

A young man with a backpack stands on a stone ledge, looking out over a vast landscape. In his right hand, he holds a glowing blue crystal, and in his left, a tablet displaying a futuristic interface. The background features a mix of ancient stone architecture with domes and a futuristic city with tall, blue, crystalline spires under a twilight sky with faint geometric lines.

Королевская битва.
Книга 1.
Пробуждение

Игорь Сыпачев

Игорь Сыпачев

**Королевская битва.
Книга 1. Пробуждение**

«Автор»

2025

Сыпачев И. С.

Королевская битва. Книга 1. Пробуждение / И. С. Сыпачев — «Автор», 2025

Когда рухнули древние печати, мир изменился навсегда. Максим Волков, гениальный программист, и его ИИ «Дедал» первыми обнаружили угрозу: мана, древняя сила, управлявшая миром до падения первой цивилизации, вернулась. Технологии Новарии выходят из строя, религиозные фанатики Люменара видят в этом знак свыше, а вольные кланы Вердангии обретают невиданную силу. Чтобы выжить, Максиму предстоит расшифровать послания древних магов и пройти обучение в затерянных храмах, где магия подчиняется силе мысли. Но он не единственный, кто рвется к власти. Древний род Белоусовых, готовившийся к этому моменту веками, предлагает миру свое спасение — тотальный контроль, прикрытый благими намерениями. На кону — будущее человечества. Война за ресурсы становится войной за саму реальность.

© Сыпачев И. С., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Зов гор	5
Глава 2. Язык камня	8
Глава 3. Тень прошлого, свет будущего	11
Глава 4. Эхо первой битвы	13
Глава 5. Частицы истины	16
Глава 6. Уроки камня и гостеприимство	18
Глава 7. Испытание твердости	20
Глава 8. Рождение Легенды	22
Глава 9. Попутный ветер	24
Глава 10. Ритм вселенной	27
Глава 11. Истина, которую нельзя скрыть	29
Глава 12. Тень на горизонте	32
Глава 13. Первый шаг в одиночку	34
Глава 14. Встреча в Чашобных землях	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Игорь Сыпачев

Королевская битва. Книга 1. Пробуждение

Глава 1. Зов гор

Три часа ночи. Синий свет монитора отбрасывал призрачные тени на лицо Максима Волкова. Он был на грани – еще пара строк кода, и алгоритм семантического анализа заработает. Внезапно интерфейс на экране сменился. Это был «Дедал» – его собственное творение, искусственный интеллект-ассистент, встроенный в систему. Беззвучно, лишь мягким пульсирующим свечением, он выдал срочное уведомление.

– Обнаружена аномалия. Сопоставление данных.

На экране развернулось три окна:

● Слева: Сейсмограмма с пиком магнитудой 7.2 в районе Пиков Раздора 72 часа назад.

● Справа: Обработанный спутниковый снимок горной гряды Торн с пометкой «микросдвиг тектонической плиты».

● В центре: Прямой эфир местного новостного канала «Норд-Ньюс», который Максим всегда оставлял на фоне. Диктор с невозмутимым лицом рассказывал о погоде, но бегущая строка внизу выдавала сенсацию: «Группа альпинистов обнаружила неизвестное сооружение в горах после недавних толчков...»

Максим увеличил громкость. Диктор сменился кадрами любительского видео, снятого на телефон. Камера тряслась, слышалось тяжелое дыхание и возбужденные крики:

«...Видишь? Это не просто пещера! Смотри на края! Это кладка!»

На записи было видно, как двое мужчин в альпинистском снаряжении стоят перед гигантским каменным проемом. Массивная скала, веками бывшая частью склона, действительно сдвинулась, обнажив вход, обрамленный идеально подогнанными блоками. Солнечный свет, падая внутрь, выхватывал из тьмы первые футы тоннеля. И там, на стенах, виднелись знакомые каждому археологу мира символы. Те самые иероглифы, что встречались в других, уже известных, но куда более скромных и плохо сохранившихся храмах древней цивилизации. Но здесь их было несоизмеримо больше, а сохранность казалась идеальной.

– Вероятность случайного совпадения геологической активности и обнажения объекта с высокой концентрацией неизвестных писем: 0.003%. Рекомендую уведомить профессора Волкова.

Максим уже набирал номер отца. Его пальцы летали по клавиатуре, сохраняя видео и формируя краткий отчет. Он чувствовал это нутром – то самое шестое чувство Волковых. Это был шанс. Тот самый, который может прийти лишь раз в жизни.

Кабинет профессора Александра Волкова в Институте Древних Цивилизаций и через три часа после звонка напоминал штаб в день большого открытия. Воздух, густой от запаха старого пергамента и свежего кофе, вибрировал от энергии. Сам профессор, могучая фигура с бородой, в которой, казалось, застряли пылинки тысячелетий, стоял перед большим экраном, где застыл кадр с тем самым входом.

– Увеличь здесь, – его голос, низкий и густой, не требовал повышения тона, чтобы быть услышанным.

Максим щелкнул мышью. Изображение стены тоннеля заполнило экран. Десятки, сотни строк загадочных иероглифов, высеченных с невероятной точностью.

– Ничего подобного по масштабу мы еще не видели, – прошептала доктор Мария Петрова, специалист по мертвым языкам, подходя ближе. Ее глаза, обычно спокойные, горели

азартом. – Все известные храмы содержали фрагменты. Обрывки текстов. Здесь же... это может быть полноценный архив. Ключ ко всем остальным надписям.

– Именно, – отозвался Максим. – «Дедал» уже скачал все доступные изображения других храмов. База для сравнения готова. Если здесь есть хоть один повторяющийся контекстный блок, мы сможем сделать прорыв в расшифровке.

Профессор Волков обвел взглядом команду: Петрова, техник Иван Краснов, фотограф Анна Соколова, и своего сына.

– Пики Раздора, – проронил он, глядя на карту. – Нейтральная территория, но яблоко раздора между Новарией, Люменаром и вердангийскими кланами. Официальная экспедиция потребует дипломатического уведомления и... присмотра. – Он тяжело вздохнул. – Правительство назначит своего куратора. Для нашей же «безопасности». Но иного выхода нет. Я выбью разрешения за сутки. Готовьтесь.

Спустя сорок восемь часов два вертолета «Ми-8» с опознавательными знаками Новарии заходили на посадку в суровой долине у подножия Торна. На борту, кроме команды Волкова, теперь был и капитан Сергей Орлов – представитель спецслужб, человек с непроницаемым лицом и лаконичными манерами. Его присутствие было молчаливым напоминанием, что они находятся на политической mine.

Максим прильнул к иллюминатору. Внизу проплывали суровые, величественные пейзажи – зелень лесов, бирюза бесчисленных озер и серые, покрытые вечными снегами пики. Его пальцы бессознательно барабанили по крышке ноутбука. Его нейросеть, «Дедал», уже пожирала все доступные данные: геологические отчеты, спутниковые снимки, мифы инуитов о «каменных людях». На экране мелькали проценты, строя гипотезы, но ответа не было. Было лишь тихое, нарастающее жужжание предвкушения.

– Не забегай вперед, сынок, – профессор Волков положил руку ему на плечо. – Горы не любят суеты.

– Они не любят, когда их тревожат, – поправил Максим. – Но они позвали нас сами. И теперь ждут.

Он чувствовал это нутром, тем самым шестым чувством, что всегда отличало Волковых, – эта экспедиция станет точкой невозврата. Не просто открытием, а разломом. Пропастью между «до» и «после».

И когда вертолеты пошли на снижение, пропаханная временем долина открылась их взглядам, дыхание перехватило даже у бывалых. Гигантская каменная глыба, ушедшая в сторону, обнажила вход. Не просто пещеру. Врата. Обрамленные искусственной кладкой, не поддающейся идентификации, они зияли в склоне горы темным, бездонным зевом, словно страж, на мгновение приоткрывший рот, чтобы поведать свою древнюю сагу.

Они еще не знали, что внутри их ждут не просто письма или артефакты. Там ждал ключ. И дверь, которую он отпирал, вела не в прошлое, а в будущее, о котором человечество не смело и мечтать.

Глава 2. Язык камня

Вертолеты, оглушительно хлопая лопастями, приземлились на небольшом плато, как ладонь, протянутой среди безмолвного величия горной гряды Торн. Воздух здесь был тонким и колючим, а тишина – оглушающей, нарушаемой лишь свистом ветра и суетливой руганью Ивана Краснова, распаковывающего хрупкое оборудование.

«Осторожнее с этим ящиком! Там квантовый интерферометр, а не картошка!» – его голос, привыкший перекрывать гул двигателей, прорвал горное безмолвие.

Анна Соколова, не обращая внимания на суету, уже сняла крышку с объектива. Ее взгляд, безжалостный, как у хищной птицы, сканировал ландшафт. «Снимки не передают и десятой доли... – прошептала она, наводя камеру на зияющий провал в скале. – Свет здесь ложится иначе. Кажется, сами камни помнят тот день, когда их сдвинули».

Капитан Орлов, молчаливый и собранный, как его собственный ранец, уже выставил периметр. Его люди – тихие, профессиональные тени – заняли позиции. «До наступления темноты – шесть часов, – его фраза, обрубленная и ясная, не требовала ответа. Это был факт. – Петрова, ваши лингвисты – в центре. Краснов, чтобы к закату у нас было стабильное энерго-снабжение и связь. Иначе будем жечь костры и свистеть в свисток».

Внутри храм встретил их не просто простором, а давящим, величественным молчанием. Воздух был неподвижным и сухим, пахнувшим озоном и пылью тысячелетий. Стены от пола до самого свода, терявшегося в темноте, были испещрены письменами. Не просто знакомыми символами – здесь был высечен целый язык.

Доктор Мария Петрова замерла на пороге, ее обычно скептическое лицо выражало почти религиозный трепет. «Боги мои... – выдохнула она. – Это не просто "похоже". Это... архив. Или библиотека. Таких концентраций текста мы не находили ни в одном из ранее открытых святилищ». Она тут же достала планшет, ее пальцы летали над экраном, делая предварительные зарисовки. «Волков, я требую протоколировать каждый сантиметр в три этапа: фотограмметрия, спектральный анализ и ручная зарисовка. Ни один штрих не должен быть утерян!»

Работа закипела. Лагерь внутри пещеры превратился в муравейник: жужжали дроны, сканирующие своды, мигали огни приборов, поставленных Красновым, щелкали затворы камеры Анны.

Максим отключился от общего хаоса. Устроившись в углу на ящике с оборудованием, он запустил «Дедала». Нейросеть жадно пожирала гигабайты данных: тысячи символов, их взаимное расположение, глубина гравировки. Но вместо ответов «Дедал» выдавал лишь все более сложные и противоречивые паттерны. Проходили часы, а затем и дни. Напряжение росло.

«Ну что, наш вундеркинд, уже все расшифровал?» – с едва уловимой насмешкой бросил Краснов, запивая сухой паек кофе.

«Иван, не мешай, – отрезал профессор Волков, но в его голосе тоже сквозила усталость. – Максим, может быть, нужен другой подход? Мы бьемся уже третьи сутки. Петрова предлагает метод сравнительного анализа с шумерской клинописью, но...»

«Это не работает, – тихо, но уверенно произнес Максим, не отрываясь от экрана. – Это не просто другой диалект. Это... другая логика. Другой способ мышления. «Дедал» показывает, что здесь несколько слоев информации. Грамматика, математика, астрономия... все сплетено воедино».

Разочарование витало в воздухе, густое, как пыль. Даже неунывающая Анна снимала уже без привычного азарта.

На четвертый день Максим почти смирился с поражением. Он откинулся назад, чтобы дать глазам отдохнуть от мерцания экрана, и его взгляд упал на центральную стену зала, которую он в упор не видел все эти дни. И он замер.

На стене была высечена грандиозная фреска. Не просто узор – сцена: древние фигуры в странных одеждах манипулировали кристаллическими устройствами, рядом с ними парили символы, идентичные тем, что были на стенах. И в углу фрески был высечен небольшой, но четкий набор иероглифов, повторяющийся рядом с каждым предметом.

И тут его осенило. Это был не религиозный текст. Это была инструкция. Эти иероглифы были не словами, а подписями. Ключом.

«Отец! Мария Петрова! Идите сюда! – его голос сорвался на вопль, в котором смешались усталость и триумф. – Мы искали синтаксис там, где его нет! Смотрите!» Он тыкал пальцем в экран, где «Дедал» уже начал перестраивать алгоритм, сопоставляя изображения предметов с фрески и соседствующие с ними символы. «Вот тут. Это не язык. Это... пиктографический код! Словарь!»

В считанные минуты, с новым ключом, «Дедал» начал выдавать первые, обрывочные, но осмысленные результаты. Команда, забыв про усталость, столпилась вокруг его ноутбука, ловя каждое появляющееся слово.

И в этот момент командного триумфа земля под ногами содрогнулась. Небольшое, но яростное землетрясение, эхо того, что открыло пещеру. С потолка посыпалась пыль и мелкие камни. Все инстинктивно пригнулись.

Раздался резкий, чистый звук – словно лопнул хрустальный бокал. В центре зала, на массивном пьедестале, треснул тот самый кристалл, который они до этого считали просто артефактом. Его ровное голубое свечение померкло и угасло.

И тогда в воздухе над треснувшим кристаллом замерцала фигура. Высокий человек в длинных, струящихся одеждах, с лицом, испещренным морщинами-иероглифами мудрости и скорби. Его губы шевелились, он говорил на древнем, давно забытом языке. В воздухе вокруг него загорались и гасли те самые символы, что были на стенах храма.

«Дедал», все еще работавший в новом режиме, уловил знакомые паттерны. На экране Максима, который он один мог видеть, поплыл первый, сырой перевод.

[СИСТЕМНОЕ СООБЩЕНИЕ: АКТИВИРОВАН КОНТИНГЕНТНЫЙ ПРОТОКОЛ]

...энергия истощена... барьер пал...

...мана возвращается в ваш мир... это... неизбежно...

...следую за... потрясения... за... рассветом...

...ищи... храм... за... морем...

...я... наставник...

Голограмма медленно растворилась. Символы угасли. В зале стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь треском рации капитана Орлова.

«Никто не пострадал? Доложите!» – его голос вернул всех к реальности.

Все были слишком напуганы землетрясением и появлением голограммы, чтобы заметить, как побледнел Максим и как он инстинктивно прикрыл экран своего ноутбука. Они видели мерцающую картинку, но не видели слов. Слова были только у него.

«Что это было? Голограмма? Запустилась от вибрации?» – растерянно спросила Анна, все еще держа наготове камеру.

«Невероятно... – прошептала Петрова. – Самовоспроизводящееся послание. Технология, которую мы не можем постичь».

Профессор Волков подошел к пьедесталу и осторожно прикоснулся к треснувшему кристаллу. «Это и есть источник энергии... И мы только что стали свидетелями его смерти».

В тот вечер в лагере царило возбужденное, и сбитое с толку оживление. Все обсуждали землетрясение и голограмму, строя теории. Профессор подводил итоги: «Мы столкнулись с чем-то грандиозным. Технология, опережающая наше понимание на века. Завтра начнем детальный анализ кристалла».

Максим лишь молча кивал, вставляя реплики в общий разговор. Его разум был далеко. Он слышал не теорию, а предупреждение. Он видел не артефакт, а ключ. И он единственный понимал – дверь не просто открылась. Она была распахнута настежь, и назад пути нет.

«Это только начало», – прошептал он себе под нос, глядя на ноутбук, где в защищенном файле лежала полная, пока только ему понятная, расшифровка послания.

Он был уже не просто студентом. Он был хранителем тайны. И его путешествие только начиналось.

Глава 3. Тень прошлого, свет будущего

Ту ночь Максим не спал. Не из-за неудобного спальника или каменного пола пещеры. Перед его внутренним взором, словно выжженная сетчатка, стоял образ древнего человека. Тихий, властный голос, звучавший лишь в его голове, повторял обрывки фраз: «...мана возвращается...», «...следуй в храм...». Это был не сон, и не галлюцинация. Это была цель.

Утром лагерь напоминал разоренный муравейник. Команда, возбужденная вчерашними событиями, сворачивала оборудование, готовясь к возвращению в цивилизацию. В воздухе витали обрывки разговоров об открытии века, Нобелевских премиях и сенсационных публикациях.

Максим же молча наблюдал за суетой, дожидаясь момента, когда профессор Волков отойдет в сторону, проверяя упакованные образцы породы. Он подошел, подбирая слова.

«Отец, прежде чем мы уедем... мне нужно кое-что проверить в деревне, внизу».

Александр Волков оторвал взгляд от ящика с осколками кристалла. Его пронзительный, уставший взгляд изучал сына. Он видел не юношеский азарт, а глубинную, взрослую озабоченность.

«Арктик-Бей? Это же люменарская территория. Мы не можем просто так взять и полететь в приграничную деревню другой державы. У нас разрешение только на нейтральные земли и наше визирование», – его голос стал жестче, профессиональнее.

«Там есть храм. Не такой, как этот. Маленький. Местный. Но... – Максим запнулся, не зная, как объяснить то, что знал только он. – Я видел его координаты в данных «Дедала». Совпадение символов... статистически маловероятно».

Профессор помолчал, вглядываясь в лицо сына. Он увидел ту же одержимость, что гнала его самого всю жизнь. Он понял. Речь шла не о данных. Речь шла о голограмме.

«Ладно, – тяжело вздохнул он. – Но это деликатная миссия. Орлов будет против, и он будет прав. Попробую решить вопрос».

Решение оказалось на удивление простым, хоть и потребовало нескольких часов ожидания. Через спутниковый канал связи Волков-старший вышел на новарийского дипломатического куратора в регионе. Тот, в свою очередь, связался с торговой миссией Люменара в «Узле». Разрешение было получено – строго ограниченное, на один визит небольшой группы, под предлогом изучения культурного наследия и налаживания добрососедских отношений после недавней «Великой Стройки». Бумаги были оформлены в цифровом виде с печатями обеих сторон. Орлов, изучив документы, лишь хмыкнул: «Сработали быстро. Значит, кому-то наверху тоже очень интересно, что мы тут копаем. Или прикрывают себя на случай, если мы устроим международный скандал. Держитесь строго разрешенного маршрута».

Путь вниз занял несколько часов. Вертолет опустил их на том же плато, и дальше они двинулись на внедорожнике, предоставленном местным гидом. Дорога вилась серпантином по склону, открывая все более широкие виды на бескрайний, синий и холодный океан. Воздух постепенно густел, наполняясь запахом йода, влажной хвои и дымка.

И наконец, они въехали в Арктик-Бей.

Деревня цеплялась за скалистый берег. Домики из темного дерева и дикого камня, с крутыми крышами, удерживающими снег, были скромны и практичны. Ярких красок здесь не было – только суровая функциональность, гармонирующая с пейзажем. Над дверьми многих домов висели скромные иконки Светоносного Пути. Жители, одетые в простую, добротную одежду темных тонов, останавливались и провожали их настороженными, недружелюбными взглядами. Чужаки здесь, да еще и с новарийской техникой, были редкими и нежеланными гостями.

Храм оказался на самом краю поселения, на невысоком утесе, будто последний бастион между миром людей и бескрайней водной пустыней. Это было невысокое, приземистое строение из темного, поросшего лишайником камня. Его крышу венчал знакомый по фрескам кристаллический шпиль, сейчас матовый и потускневший. Он выглядел не столько святыней, сколько частью ландшафта, древней, как сами скалы.

Их ждал старейшина общины, человек по имени Джозеф. Лицо его было похоже на старую, потрескавшуюся карту, а глаза, узкие и умные, смотрели на чужаков с молчаливым, испытующим любопытством.

Профессор Волков сделал первый шаг, обратившись к старейшине на беглом, хотя и с акцентом, языке Люменара. «Мир вашему дому и благословение Светоносного Пути. Мы благодарны за разрешение посетить ваше святилище».

Максим незаметно активировал на своем смартфоне «Дедала», направив микрофон на старейшину. В наушнике тут же зазвучал тихий, синтезированный перевод: [*Входящий аудиопоток. Распознан диалект люменарского языка. Начинаю перевод...*]

Джозеф кивнул, его лицо не выразило ни удивления, ни одобрения. «Ваш язык хорош для чужака. Немногие из-за хребта утруждают себя его изучением. Вы пришли смотреть на камни? Камни помнят многое. И иногда они просыпаются, чтобы поговорить». Его голос был скрипучим и неторопливым.

«Недавно наши кристаллы внутри стали светиться. Слабый, голубой свет. Старики говорят, что это знак. Одни говорят – к испытаниям. Другие – к очищению», – продолжал он, внимательно наблюдая за реакцией гостей. Волков-старший внимательно слушал, кивая, его собственные знания языка позволяли улавливать нюансы, недоступные машинному переводу.

Он встал. «Вы можете войти. Но уважайте тишину камней. Они выбирают, кому говорить».

Внутри храм был крошечным после горного исполина. Всего одна комната. Тот же камень, те же символы на стенах, но здесь они складывались в иные, более плавные и циклические узоры. В центре на алтаре лежало несколько небольших кристаллов, и правда, от них исходило тусклое, едва заметное в полумраке свечение – ровное и завораживающее.

И как только Максим переступил порог, воздух в центре зала задрожал и замерцал.

Голограмма древнего мага появилась вновь. Но на этот раз это было не просто послание. Это было... действие. Целая сцена из забытого прошлого.

Он увидел...

Глава 4. Эхо первой битвы

Солнце. Яркое, почти слепящее солнце било в глаза. На площади перед храмом, утопающей в зелени, кипела жизнь. Воздух был теплым и густым, пахнувшим цветущими лианами и печеным хлебом.

Из двери храма вышел он. Киран. Лет двадцати, с беззаботной улыбкой и горящими азартом глазами. Его движения были полны энергии и непоколебимой уверенности юности.

«Эй, Киран! Ну как? Получилось?» – крикнул ему коренастый парень с добродушным лицом, опираясь на рукоять здорового молота, заткнутого за пояс.

Юный маг широко улыбнулся. Вместо ответа он сжал кулак. Кожа на его руке на мгновение будто стала прозрачной, и под ней вспыхнули и заплелись причудливые голубые узоры, словно прожилки мощью. Кулак на миг окутало холодное, сдерживаемое сияние. «Как не получить-то? Сказал же, к полудню освою укрепление! Теперь твой молот мне не страшен, Лоренц!»

К ним подбежала девушка с темными, заплетенными в сложную косу волосами и умными, пронзительными глазами. В ее взгляде читалось и восхищение, и легкая, ревнивая досада.

«Как всегда, первый, – покачала она головой, но углы ее губ дрогнули в улыбке. – Тебе хоть бы раз дало трудностей, чтобы мы, простые смертные, не чувствовали себя совсем уж ничемными».

«Полно тебе, Элария, – рассмеялся Киран, разжимая кулак. Сияние угасло. – Твои травы уже пол-деревни от лихорадки излечили. Это ли не магия?»

Их легкую перепалку прервал отчаянный, прерывистый набат колокола. Смех на площади замер, сменившись настороженной тишиной. И тогда до них донеслись другие звуки – удаленные, но оттого не менее жуткие: треск ломающегося дерева, испуганные крики и хриплое, гортанное улюлюканье.

По центральной улице, спотыкаясь и задыхаясь, бежал старейшина. Его лицо было бледным, а в глазах стоял неприкрытый ужас.

«Портал!.. На северной окраине... открылся новый! Из него... твари! Лезут полчищами! Ломают дома!»

Уверенность в один миг испарилась с лица Кирана, сменившись шоком, а затем – стальной решимостью. Он обменялся быстрыми взглядами с друзьями.

«Значит, пора опробовать знания на практике, – голос Кирана прозвучал тверже, чем можно было ожидать. – Нас учили не для красоты».

«Киран, мы только начали! Это же не учебные манекены! Это... – Элария умолкла, услышав новый вопль, на этот раз детский. Ее лицо вытянулось. – Это опасно».

«Иначе прорвутся к храму. Ко всем. Ничего, прорвемся!» – крикнул Киран и, не дожидаясь ответа, рванул с места в направлении хаоса. Лоренц с громовой руганью последовал за ним. Элария, стиснув зубы, схватила со стоявшей рядом телеги увесистый серп и бросилась вслед.

Идиллическая деревня превратилась в ад. Полутораметровые, коренастые твари с кожей цвета грязного болота крушили всё на своем пути. Их длинные, зазубренные кинжалы сверкали на солнце.

Киран, крича что-то неразборчивое, вскинул руки. Воздух перед ним задрожал, и невидимый барьер принял на себя град брошенных в него кинжалов. Лезвия со звоном отскакивали в стороны. Лицо юного мага исказилось от невероятного напряжения. Это был не учебный щит – каждый удар отзывался в нем глухой болью, но техника выдерживала.

Лоренц, ревя как медведь, врезался в толпу. Один из гоблинов, проворнее других, метнулся ему в бок. Кинжал с размаху вонзился в коренастую спину Лоренца, но тут же со скрежетом отскочил – кожа под рубахой на миг вспыхнула тем же голубым сиянием, что и кулак Кирана. Лоренц, не почувствовав удара, крутанулся и своим молотом отшвырнул ошеломленного нападавшего в стену.

Элария, ловко уворачиваясь, не столько атаковала, сколько отвлекала, подставляя гоблинов под удары товарища. Она увидела, как другой гoblin целится в Кирана метательным ножом, пока тот удерживал щит. Резким движением она швырнула серп. Тот не убил тварь, но вонзился в ее плечо, заставив крикнуть и уронить оружие.

И тогда Киран заметил его. Того, кто стоял в стороне, не двигаясь с места. Гоблин на голову выше остальных, в кожаных доспехах, с грубым, костяным ожерельем на шее. В центре ожерелья пульсировал, отливая кровью, красный кристалл. И от этого кристалла к зияющему portalу, висевшему в воздухе, тянулась тонкая, алая нить энергии.

Это был ключ.

«Лоренц! Прикрой!» – закричал Киран.

Он ринулся вперед. Гоблины бросались ему навстречу, но их удары разбивались о его усиленные предплечья с сухим, костяным треском. Он был неустойчив. Ударом сжатого кулака, в последний миг вспыхнувшего голубым светом, он выбил кристалл из ожерелья. Кость треснула.

Кристалл упал на землю. Киран, не раздумывая, всадил в него всю свою энергию. Раздался оглушительный хлопок, и кристалл рассыпался в алую пыль.

Портал дрогнул, его края поплыли и с громким, словно ломающееся стекло, звуком – схлопнулся.

Но тишина не наступила. Бой не прекратился. Дюжина гоблинов, успевших перебраться до закрытия портала, не собиралась сдаваться. Они, огрызаясь, отступали к центру деревни, окруженные со всех сторон.

Их уже ждали. Не только Киран и его друзья. На площадь, с косами, вилами и топорами в руках, высыпали жители деревни. Их лица были искажены не страхом, а яростью. Они видели, как пали чудовища, и теперь их гнев обрушился на тех, кто остался.

Лоренц, истекая кровью из раны на плече, где магия не сработала, прислонился к стене. Элария уже была рядом, прижимая к ране пучок светящихся трав. Киран, тяжело дыша, смотрел на свою дрожащую руку. Голубое сияние окончательно угасло, оставив лишь обычную кожу. В его глазах не было триумфа. Было осознание. Осознание цены и силы, которую он только что впервые по-настоящему применил.

Именно таким – изможденным, победившим, но уже навсегда изменившимся – его и застал последний луч заходящего солнца.

Глава 5. Частицы истины

Воспоминание медленно померкло.

Тишина, наступившая после исчезновения голограммы, была оглушительной. Пыль, взметнувшаяся при их поспешном входе, еще медленно кружилась в лучах света, а они с отцом все еще стояли, замороженные, пытаясь осознать увиденное.

Первым очнулся Максим. Его ум, привыкший к бинарной логике, пытался обработать невероятное – он только что стал свидетелем битвы, произошедшей тысячи лет назад.

«Отец, – его голос прозвучал хрипло. – «Дедал». Он записал все. И... я кое-что добавил в его протоколы, после первой голограммы. Модуль анализа».

Профессор Волков медленно повернулся к сыну, его лицо все еще выражало легкий шок. «Добавил? Что именно?»

Максим уже лихорадочно открывал ноутбук. Он запустил перекодировку данных.

И в тот же миг воздух снова задрожал. Силуэт древнего мага появился вновь. Но теперь его беззвучные губы обрели голос, синтезированный «Дедалом» – спокойный, глубокий, с легкой, нечеловеческой модуляцией.

«Вы стали свидетелями первого испытания, – зазвучало в тишине. – Обратите внимание, как воины использовали поток маны не для атаки, но для защиты. Они облекали ею свою плоть, как вторую кожу. Это – фундамент. Первый и ключевой навык выживания. Без этого умения любая попытка овладеть силой будет подобна попытке нести воду в решете – вы просто не выдержите ее напора и будете разорваны изнутри».

Силуэт повернулся, и его взгляд, казалось, был направлен прямо на Максима.

«Ты, потомок. Твое тело мягко и уязвимо. Здесь, в этом месте силы, ты совершишь свой первый шаг. Научишься вплетать ману в свою плоть. Научишься быть твердым».

Голограмма исчезла, но едва она рассеялась, как по стенам храма пробежала волна холодного, голубоватого свечения. Символы зажглись изнутри, образуя стрелы-указатели. Они вели к небольшой, круглой площадке в дальнем углу зала, пол которой был покрыт сложнейшей симметричной резьбой.

Сердце Максима забилося чаще. Он подошел, и как только его нога ступила на каменный круг, в воздухе перед ним всплыли новые, сияющие письмена.

«Дедал» немедленно обработал их: «Чтобы призвать защиту,пусти внешнее внутрь. Не силой воли, но силой намерения. Узри нити маны в воздухе. Вдохни их. Облекись в них, как в доспех».

Азарт и нетерпение переполняли Максима. Он отбросил осторожность. Закрыв глаза, он изо всех сил сконцентрировался, представив, как стущает энергию вокруг своего кулака, пытаясь волевым усилием скоординировать невидимым частицам. Он чувствовал, как что-то отзывается – будто мириады иголок укололи его изнутри. Воздух вокруг руки затрепетал, заискрился.

И тут его будто ударило молотом по затылку.

Острая, раскаленная боль пронзила виски, мир поплыл перед глазами, почва ушла из-под ног. Он услышал испуганный возглас отца, почувствовал крепкие руки, подхватывающие его, прежде чем сознание поглотила черная, бездонная пустота.

Очнулся он от капель холодной воды, которые Александр осторожно смачивал ему лоб и виски.

«Глупец, – голос профессора звучал сурово, но в нем слышалась забота. – Ты что, инструкций не слышал? «Не силой воли». Ты попытался проложить туннель динамитом, а не лопатой. Мана – это не программа, которую можно заставить выполняться грубым расчетом. Ты едва не сжег свои синапсы».

Максим с трудом сел, мир все еще плыл. Тошнота подкатывала к горлу. «Я... я почувствовал их. Но это было... болезненно».

«Потому что ты не увидел, а попытался схватить. Сначала нужно увидеть. Понять. И лишь потом – направлять», – отец помог ему подняться.

Иван уже звонил по спутниковому телефону, требуя отчитаться. Профессор отбивался, говоря, что они нашли нечто, требующее времени.

Волков-старший внимательно осмотрел помещение. Его взгляд упал на кристаллы, лежащие на алтаре. Их тусклое свечение, о котором говорил Джозеф, теперь казалось более явным. Он взял один и осторожно поместил его в центр каменного круга.

Эффект был мгновенным. Мерцающий голубоватый свет от кристалла усилился, рассеившись в воздухе подобно свету проектора. И тогда они увидели.

Мириады мельчайших частиц, словно космическая пыль, висели в воздухе, медленно вращаясь и переливаясь. Они были повсюду. Это и была мана – сырье, основа всего.

«Вот, – прошептал профессор. – Теперь не заставляй. Наблюдай. Попробуй просто... подуть на них. Мысленно».

Прошел час. Два. Спина затекла, ноги занемели. Максим, все еще бледный, сидел на холодном камне, не отрывая взгляда от сияющей россыпи. Он изгнал из головы все попытки «приказать». Вместо этого он пытался просто... захотеть. Представить, как легкий ветерок колышет эти частицы.

Сначала ничего. Затем – едва заметное движение. Горстка частиц качнулась в сторону, словно подхваченная невидимым дыханием. Успех был мизерным, но это был не провал. Это был первый, настоящий шаг.

Профессор тоже пытался. Он концентрировался до седьмого пота, но лишь несколько частиц лениво кружились вокруг его пальцев. «Мои нейронные связи слишком устоялись, – с горькой ухмылкой констатировал он. – Я мыслю слишком... материально. Это для нового поколения. Для тебя, сынок».

К вечеру Максим уже мог уверенно сдвигать небольшой рой частиц, заставлять их вращаться или вытягиваться в нить. Головная боль отступала, сменяясь восторгом первооткрывателя. Он нашел новый интерфейс. Не для клавиатуры, а для самой реальности.

Дверь храма скрипнула. На пороге стоял старейшина Джозеф. Его внимательный взгляд скользнул по сияющим кристаллам, по лицу Максима, осунувшемуся от концентрации, и застывшему в научном восхищении лицу профессора.

«Камни говорят с вами, – не спрашивая, а констатируя, произнес он. – Солнце садится за хребет. Ночью в горах дуют злые ветра. Вам нужен кров».

Глава 6. Уроки камня и гостеприимство

Предложение старейшины повисло в воздухе. Профессор Волков, всегда ценивший самостоятельность, на мгновение выглядел смущенным. Он бросил взгляд на бледного, изможденного концентрацией сына и понял, что ночь в палатке на пронизывающем ветру не прибавит ему сил для завтрашних тренировок.

«Мы будем очень признательны за ваше гостеприимство, Джозеф», – ответил профессор, слегка склонив голову на люменарский манер. – «И, разумеется, мы готовы компенсировать—»

Старейшина резко махнул рукой, отрезая предложение о плате. «Мы не постоянный двор в «Узле». У нас не торгуют кровом. Если камни говорят с тобой, значит, на то есть воля Светоносного Пути. Идемте.»

Они вышли из храма в холодные сумерки. Воздух звенел от предвечерней тишины, нарушаемой лишь далеким криком чайки и шумом прибоя. Джозеф повел их не к центру деревни, а по узкой, петляющей тропинке, которая вела к одинокому дому на самом краю утеса, дальше которого были только скалы и бескрайний океан.

Дом старейшины был таким же крепким и нестигаемым, как и его хозяин. Сложенный из темного, поросшего лишайником камня, с толстыми стенами и низкой, покатой крышей, он выглядел частью пейзажа. Из трубы поднималась тонкая струйка дыма, пахнувшая торфом и хвоей.

Джозеф толкнул массивную дубовую дверь, и они вошли внутрь.

Воздух в доме был теплым, густым и насыщенным ароматами томленной баранины, свежего хлеба и сушеных трав. Главная комбинация служила всем сразу: кухней, столовой и гостиной. Посередине стоял длинный, грубо сколоченный стол, за которым сидели пятеро детей разного возраста – от подростка до малыша, лет пяти. Они уставились на чужаков широкими, любопытными глазами, но не проронили ни звука. У стены, у огромной чугунной печи, хлопотала женщина с усталым, но добрым лицом – супруга Джозефа, Элис.

«Места хватит на всех», – просто сказал старейшина, указывая на скамьи за столом.

Ужин прошел в почти полном молчании, нарушаемом лишь просьбами передать хлеб или похлебку. Еда была простой, но сытной и невероятно вкусной после дня, проведенного впроголодь. Максим, все еще чувствуя легкую дрожь в руках, с трудом удерживал ложку. Он ловил на себе взгляды детей и пытался улыбнуться в ответ. Самый младший, мальчуган с взъерошенными светлыми волосами, быстро спрятал лицо в складках одежды сестры.

После ужина Элис без лишних слов указала им на узкую лестницу, ведущую на чердак. Комната под самой крышей была крошечной, с двумя низкими кроватями, застеленными грубыми, но чистыми шерстяными одеялами. В небольшое слуховое окно была видна темная гладь океана, подёрнутого лунной дорожкой.

«Никаких тебе квантовых архивов», – тихо пошутил Александр, снимая очки и устало потирая переносицу.

«Зато тепло», – пробормотал Максим, валясь на кровать. Сознание отключалось мгновенно, несмотря на жесткий матрас и непривычную обстановку. Ему снова снились частицы, но на этот раз они плавно текли рекой, а не кололи иголками.

На следующее утро они вернулись в храм с рассветом. Ритуал повторился: Максим сажился в центр круга, кристалл активировали, и он погружался в мир сияющей пыли. Теперь его задачей было не просто сдвинуть частицы, а обволочь ими руку, создать на коже равномерный, плотный слой.

Процесс был мучительно медленным. Он то терял концентрацию, и «перчатка» из маны рассыпалась, то переусердствовал, и тупая боль предупреждающе сжимала виски. Профессор Волков, вооружившись блокнотом, фиксировал все: время удержания, плотность потока,

физиологические реакции сына. Он пытался найти закономерность, алгоритм, превратив магию в науку.

Дни слились в череду повторений: храм – дом Джозефа – короткий сон – снова храм. Дети старейшины постепенно привыкли к странным чужакам. Младший, тот самый мальчуган по имени Эйнар, даже принес Максиму однажды морской камень причудливой формы, молча положил его рядом и убежал.

Через три дня Максим мог уверенно покрывать манной «перчаткой» руку от запястья до локтя. Еще через день – вторую руку и грудь. Мысленное удержание кокона вокруг всего тела по-прежнему было подобно попытке удержать в голове десять сложных формул одновременно.

И наступил момент истины. Максим, изможденный, но собранный, стоял в центре круга, едва удерживая хрупкий кокон энергии вокруг себя. И в этот момент из стены с резким шипящим звуком выстрелил каменный дротик. Это был не смертельный выстрел, а тест – точный и безжалостный.

Максим инстинктивно вскрикнул и зажмурился. Раздался глухой, обнадеживающий тук. Дротик, словно ударившись о резиновую, но невероятно плотную преграду, срикошетил и упал на пол, так и не коснувшись его тела.

Он сделал это. Дрожь пробежала по его телу, но на сей раз это была дрожь восторга, а не истощения.

В тот же миг появилась знакомая голограмма древнего мага. Мудрец смотрел на него, и в его взгляде, казалось, читалось одобрение.

«Достаточно. Ты научился основам. В идеале требуются месяцы практики... Но времени может не быть. Силы, что пробудились в мире, не станут ждать. Ты должен двигаться дальше, продолжая оттачивать мастерство в пути.»

Изображение сменилось. Они увидели знакомое очертание – величественный храм в горах, тот самый, с которого началось их путешествие.

«Вернитесь к началу вашего пути. К большому храму. Там, на нижнем уровне, вы найдете следующее испытание. Помните: без непробиваемой кожи нельзя прикасаться к острию клинка. Порядок храмов – не случайность.»

Профессор Волков ахнул: «Пещеры под главным залом... Мы их не исследовали! Считали естественным образованием!»

Голограмма исчезла. Они вышли из храма. Джозеф ждал их на пороге.

«Камни отпускают вас», – констатировал он. Его взгляд на Максиме был долгим и оценивающим. – «Путь Светоносного Пути освещает вашу дорогу. И помните: любая броня когда-нибудь дает трещину. Сила – не в камне, а в духе, что его оживляет.»

Вечером, упаковывая нехитрые пожитки в тесной комнатке под крышей, Максим чувствовал себя иным. Его тело ныло от непривычного напряжения, но разум был ясен. Он не просто узнал нечто новое. Он изменился навсегда.

«Я должен пройти весь путь, – сказал он отцу, глядя в слуховое окно на темнеющий океан. – И узнать все, чему они могут меня научить.»

Его сон этой ночью был глубоким и безмятежным. А утром их ждал обратный путь – к началу.

Глава 7. Испытание твердости

Возвращение в базовый лагерь у горного храма на вертолете было похоже на возвращение в другую реальность. После шума лопастей наступила оглушительная тишина, нарушаемая лишь свистом ветра в скалах. Здесь, на высоте, все еще пахло снегом и камнем, а не солью и хвоей Арктик-Бей. Лагерь был почти свернут – оборудование упаковано в ящики, палатки собраны. Команда, возбужденная и нетерпеливая, уже мысленно была дома.

Появление Волковых и Орлова вызвало вздох облегчения, быстро сменившийся недоумением. Капитан Орлов молча принялся докладывать о безопасности, а профессор Волков, отыскав взглядом Марию Петрову и Ивана Краснова, знаком велел подойти.

«Мы задерживаемся, – без предисловий заявил Волков-старший, его голос не оставлял места для дискуссий. – Минимум на неделю. Возможно, дольше».

В наступившей тишине было слышно, как треплет на ветру тент палатки.

«Александр, вы с ума сошли? – первым взорвался Краснов. – Все образцы взяты, данные записаны. Здесь делать нечего! Нужно везти все в лабораторию, пока нас не опередили!»

«Именно поэтому мы и остаемся, Иван, – спокойно парировал профессор. – Потому что мы нашли нечто, что переворачивает все с ног на голову. И это «нечто» указывает нам именно сюда».

И тогда, собрав всю группу в самой большой палатке, Максим и его отец рассказали. Все. О маленьком храме, о голограмме, о мане и первом уроке укрепления. Максим даже продемонстрировал, едва удерживая слой энергии на ладони. Повисло тяжелое, недоверчивое молчание.

«Боже правый... – прошептала Анна Соколова, инстинктивно наводя на его руку камеру. – Это... сенсация».

«Сенсация, которую нужно обнародовать немедленно! – настаивал Краснов. – Мир должен знать!»

«Мир узнает, – твердо сказал профессор Волков. – Но только после того, как мы поймем, с чем имеем дело. Эта... система обучения... она не случайна. Она ведет нас по определенному пути. И следующий этап – здесь. В нижних пещерах, под главным залом».

Решение было принято. Не без ропота, но команда стала разворачивать лагерь. На следующий день у зияющего провала в полу главного зала, который все ранее принимали за естественную трещину, собралась вся группа.

Максим настроил сканер. «Дедал» проанализировал символы на стенах у входа.

«Здесь предупреждение, – зачитал он перевод. – «Путь откроется лишь тому, чья плоть тверже камня. Испытание твердости ждет впереди»».

Краснов фыркнул: «Поэтично. Мы обсматривали этот тоннель в первый же день. Никаких ловушек. Все безопасно».

«В первый день, Иван, – не оборачиваясь, сказал профессор, – центральный кристалл был цел, а маны в мире не было. Теперь все иначе».

Максим выдохнул. «Я пойду один. Вы все не защищены. Одна ошибка...» Он не договорил, но все поняли.

Отец хотел возразить, но увидел решимость в его глазах и лишь кивнул. «Осторожно, сынок. Капитан, приготовьте аптечку и страховочные тросы на всякий случай».

Максим сделал шаг вниз по искусственным ступеням, концентрируясь. Он почувствовал, как знакомое голубое сияние окутало его кожу, сделало ее невосприимчивой. Тоннель был узким и темным.

И он ожил.

С потолка с грохотом обрушилась каменная плита. Она ударила Максима по спине и разлетелась на куски, не причинив ему вреда. Группа наверху ахнула. Затем со стен с шипением выстрелили дротики, отскакивая от его усиленной груди и спины, как горох от бронестекла.

Максим шел медленно, преодолевая сопротивление древних механизмов в полном одиночестве. Сверху доносились сдержанные возгласы и одобрителный возглас капитана Орлова: «Так держать, парень!» Каждый его шаг был напряженным, мана пульсировала под его кожей, отражая скрытые угрозы тоннеля.

Наконец, тоннель вывел его в огромный, скрытый под горой зал. Он был пуст и безмолвен. Обернувшись, Максим увидел напряженные лица товарищей, все еще стоявших у входа в тоннель.

«Не идите! – крикнул он, его голос эхом разнесся по залу. – Ловушки все еще активны!»

Профессор Волков жестом остановил порывисто двинувшегося было Краснова. «Оставайтесь на местах! Максим, ты в порядке? Что ты видишь?»

Но прежде чем Максим успел ответить, в центре этого зала, прямо перед ним, воздух задрожал и замерцал...

Глава 8. Рождение Легенды

Величественное спокойствие озера Эмеро было таким же глубоким и древним, как сами горы, его обрамлявшие. Вода, гладкая как полированный обсидиан, отражала заходящее солнце, окрашивающее небо в багряные и золотые тона. Киран, откинувшись на локте, лениво швырнул камень в воду, наблюдая, как расходящиеся круги нарушали идеальную зеркальность.

«Парирую, что не достанешь до того черного камня», – лениво бросил Лоренц, развалившись на одеяле и доедая кусок жареной дичи.

«Парирование принято, – моментально отозвался Киран, уже прицеливаясь новым камнем. – Готовь монету».

Элария, сидевшая поодаль с раскрытым манускриптом, лишь покачала головой, но улыбка выдавала ее притворное неодобрение. Это были редкие моменты затишья, мира между миссиями, которые они научились ценить больше всего.

Идиллию нарушило резкое, тревожное мерцание в воздухе. Прямо над их походным костром снопом искр сложилась голограмма седовласого мужчины в строгих, официальных одеждах магистрата. Его голос, усиленный магией, прозвучал громко и четко, заставив даже невозмутимого Лоренца сесть прямо.

«Приветствую вас, искатели приключений. Вас рекомендовали как оперативную и эффективную команду. В восьми милях к северо-востоку отсюда, в истоке реки Серебряной, зафиксирована опасная аномалия. Водный элементаль. Вероятно, результат спонтанной концентрации частиц маны в месте силы, возможно, усиленной подводными кристаллическими формациями».

Голограмма сменилась, показав клокочущую, неестественно живую массу воды, которая с яростью обрушивалась на прибрежные скалы.

«Угроза судоходству и прибрежным поселениям. Награда за нейтрализацию – десять золотых крон. Немедленный рейд одобрен».

Сообщение прервалось. Три пары глаз встретились. Десять крон – это были не просто хорошие деньги. Это был капитал на несколько месяцев безбедной жизни.

«Ну, что говорил насчет черного камня? – первым нарушил молчание Киран, вскакивая на ноги. На его лице играла азартная ухмылка. – Кажется, дистанция теперь не имеет значения».

Он обменялся взглядами с товарищами. Кивок Лоренца был решительным, взгляд Эларии – сосредоточенным и быстрым. Втроем они синхронно вскинули руки. Воздух вокруг них затрепетал, зазвучал едва слышным, высокочастотным гудением. Частицы маны сгустились, обволакивая их не энергетической бронёй, но иным видом силы – стремительным, неудержимым порывом.

И они рванули. Не побежали – исчезли с места. Пейзаж по обе стороны от них превратился в смазанные полосы зелени и камня. Ветер свистел в ушах безумным аккордом. Они не бежали по земле – они скользили над ней, их ступни лишь на мгновение касались камней, отталкиваясь с нечеловеческой силой. Восемь миль растворились за несколько невероятных минут.

Они замерли на берегу бушующего потока. Элементаль был чудовищнее, чем на голограмме – двуглавая гидра из хлещущей, клокочущей воды, с когтями из острого льда и глубинным рёвом водоворота.

Не дав чудовищу опомниться, они снова применили скорость. Ледяные когти и водяные тросы проносились мимо них, взрывая скалы позади – они были уже в другом месте, уворачиваясь не телом, а предвидением, ускоренным до предела. Они были не людьми, а тенями, танцующими в такт ярости стихии.

«План «Гроза»!» – крикнул Киран, его голос едва слышен над рёвом воды.

Лоренц, двигаясь с невероятной для его комплекции скоростью, стал метаться перед элементом, как назойливая оса, отвлекая его атаки на себя. Две водяные головы устремились к нему.

В этот миг Киран, описав дугу, оказался сзади, собрав в ладонях сгусток чистой энергии. Он не атаковал – он ослеплял, выжигая один из «глазов» чудовища, заставляя его выть от ярости и боли.

И это был момент для Элэрии. Она не была быстрее молнии, как они. Ее сила была в точности. Замедлив время для себя, она высчитала мгновение, выхватила из поясного мешочка небольшой, шероховатый желтый кристалл и метнула его с точностью снайпера не в воду, а в самый эпицентр энергетического сердца элементаля – туда, где пильсировало ядро сконцентрированной маны.

Кристалл исчез в водяном теле. Мгновение ничего не происходило. А затем элементаль будто бы вздрогнул изнутри. Его форма, удерживаемая магией, начала булькать и расползаться. Ядро погасло. С громким, шипящим вздохом чудовище осело, превратившись в обычную, ничем не примечательную воду, которая мирно потекла вниз по течению.

Тишина, наступившая после боя, была оглушительной. Трое друзей стояли, тяжело дыша, пар валил от их разгоряченных тел. На песке у их ног лежало несколько мелких, потухших синих кристаллов – то, что осталось от ядра элементаля.

Киран подошел к воде, омыл лицо и обернулся к друзьям. Его глаза горели не от победы над чудовищем, а от чего-то большего.

«Сегодня мы не просто заработали десять крон, – его голос звучал низко и сильно, заглушая шум реки. – Сегодня нас нашли. По нашей репутации. Мир узнаёт о нас. И он начинает нам доверять».

Он сделал паузу, глядя на своих верных товарищей, с которыми прошел огонь, воду и первые уроки магии.

«Мы перестали быть просто учениками, ищущими приключений. Мы стали силой. Силой, которой не страшны элементали, которая преодолевает мили за минуты и которая способна изменить ход событий».

Он выпрямился во весь рост, и в его позе было нечто такое, чего они раньше в нем не видели – величие лидера.

«Пришло время сделать это официально. Пришло время стать больше, чем друзьями. Пришло время основать свой клан. И пусть его имя будут знать от самых высоких гор до глубочайших морей. Что скажете?»

Он не стал ждать ответа, позволив своим словам повиснуть в воздухе, полном энергии победы и будущего. Их решение читалось в их глазах – в решительном взгляде Лоренца, в умном, горящем огнем согласия взоре Элэрии. История была готова к повороту страницы.

Глава 9. Попутный ветер

Мерцающая сцена с озером и триумфом юного Кирана растворилась, оставив в тайном зале лишь тишину и пыль тысячелетий. Но ненадолго. Воздух снова заструился, и возник знакомый образ древнего мага. «Дедал», уже натренированный и ждущий этого момента, немедленно озвучил его речь.

«Ты увидел, как скорость может стать оружием и щитом, – прозвучал спокойный, наставляющий голос. – Теперь твоя очередь. Здесь, в этом зале, ты научишься чувствовать поток маны не как броню, а как попутный ветер. Научишься вплетать его в свои мышцы. Только так ты сможешь достичь храмов, что ждут тебя вдали».

Едва голограмма исчезла, стены зала ответили. Символы на них вспыхнули, и их свет сфокусировался в центре помещения, создав на полу идеальный круг. В воздухе над ним замесились три сферы из чистой энергии. Они хаотично носились по кругу, оставляя за собой светящиеся шлейфы.

В сознание Максима через «Дедала» пришел перевод инструкций:

«Чтобы оседлать скорость, стань легче собственного намерения. Концентрируйся не на ногах, а на потоках мана-частиц. Дай им увлечь себя. Поймай ритм.»

Максим шагнул на круг. Сферы мгновенно отреагировали, ускорив свой бег до неуловимой скорости. Он попытался просто побежать за ними – и тут же с грохотом врезался в невидимую энергетическую стену, ограждающую круг. Удар был сильным, но его рефлекторно активированное укрепление тела смягчило его. Без этого умения он бы точно сломал себе ключицу.

Ему пришлось выложиться на полную. Он понимал, что даже не использовал ману, но этого оказалось достаточным и пальцы сомкнулись вокруг нее, и она с тихим щелчком погасла. Сердце его учащенно забилося. *Получилось!*

Но ликование было недолгим. Вторая сфера резко ускорилась, ее шлейф превратился в почти непрерывную линию. Максим напрягся, пытаясь повторить маневр. Он побежал быстрее, но сфера легко уходила от него, словно дразня. Он видел ее, мог предугадать траекторию, но его собственные ноги были слишком медленными, неповоротливыми. Похоже первая сфера была пределом обычного человека, которую ему требовалось преодолеть чтобы догнать остальные.

Третья сфера и вовсе казалась призраком. Она не носилась, а телепортировалась короткими рывками, появляясь то в одной точке круга, то в другой, прежде чем он успевал даже сфокусировать на ней взгляд. Попытки угнаться за ней выглядели бы комично, если бы не вызывали жгучее чувство неполноценности.

Так начались его самые изнурительные тренировки. Профессор Волков, доктор Петрова и остальные наблюдали сверху, с края тоннеля. День за днем Максим бился над этой задачей.

Он пытался концентрироваться, как его учили – чувствовать потоки, а не заставлять ноги. Но получалось обратное. Он либо бежал как обычный человек, либо, сжав зубы от напряжения, пытался «воткнуть» ману в свои мышцы, что заканчивалось резкой головной болью и ничтожным приростом скорости. Вторая сфера оставалась недосягаемой. Третья – невидимой.

Вечером первого дня, разбитый и подавленный, он устроился в углу зала с ноутбуком и пачкой проводов. Пока Иван Краснов возился с генератором, а Мария Петрова составляла каталог символов, Максим погрузился в знакомый мир кода. Это было его убежище.

«Что опять затеял?» – спросил профессор, поднося две кружки с дымящимся чаем.

«Дедал слишком привязан к ноуту, – не отрываясь от экрана, ответил Максим. – Нужна мобильность. Переносу ядро и основные функции на смартфон. Интегрирую с ГЛОНАСС, акселерометром, гироскопом... Если я не могу почувствовать скорость, может, смогу ее измерить и проанализировать.»

Александр Волков одобрительно хмыкнул: «Всегда ищешь системный подход. Дай знать, если нужна помощь с шифрованием потоковых данных.»

К концу третьего дня уныние достигло пика. Максим сидел, обхватив голову руками, и смотрел на безумный танец сфер. Именно тогда к нему подошел Иван Краснов.

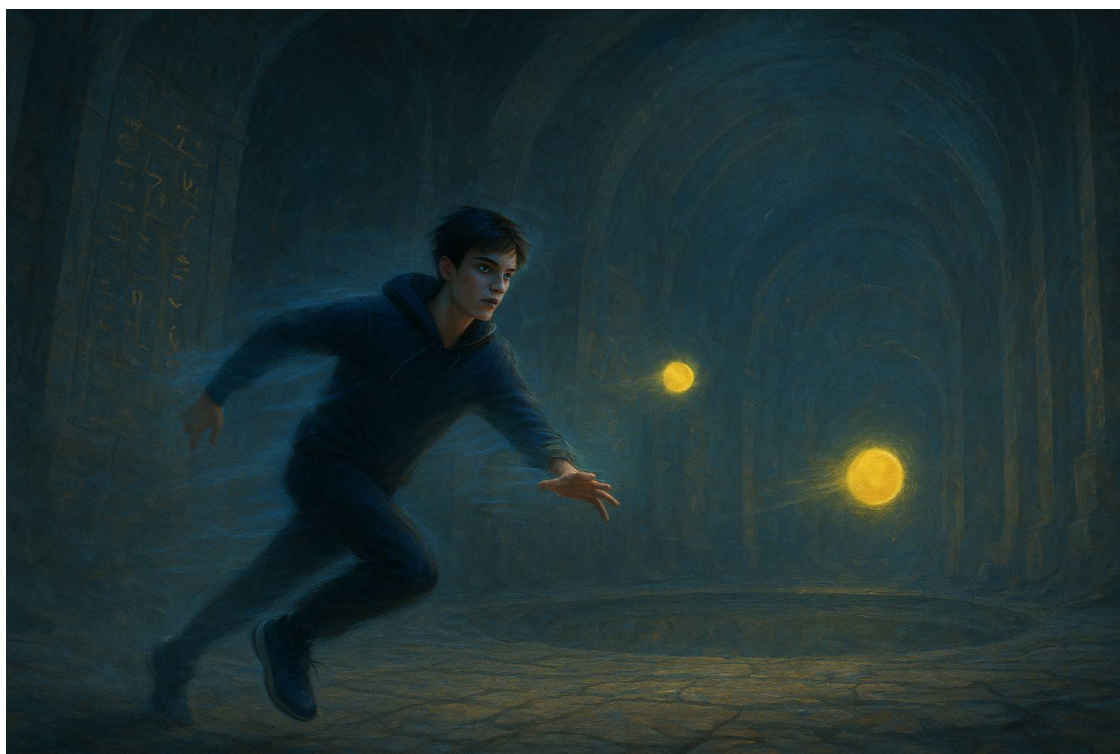
«Ну что, маг семидесятого уровня, – техник с нескрываемым раздражением ткнул пальцем в сторону круга. – Когда уже научишься летать? Пока ты тут с шариками играешь, по миру уже вовсю черт знает что творится. Люди пугаются, техника сходит с ума. Нам бы твои навыки да погромче заявить, чтобы народ хотя бы понял, что к чему. А ты квантуешь тут.»

Максим ничего не ответил, лишь сжал кулаки. Давление нарастало.

Вечером того же дня, когда команда собралась у импровизированного стола с ужином, Максим подключил свой смартфон к портативному проектору.

«Я кое-что записал сегодня, – сказал он тихо. – Дедал, воспроизведи последнюю сессию, замедли в четыре раза.»

На стене появилось записанное видео. Максим в круге, и вторая сфера. В нормальном времени это выглядело как бесплодная беготня. Но в замедлении картина менялась. Было видно, как частицы маны вокруг ног Максима хаотично вспыхивают и гаснут, как он пытается их сгруппировать, но они расползаются, не выдерживая формы. А сфера, напротив, была окружена ровным, плотным коконом из энергии, который и придавал ей невероятное ускорение.

«Смотри, – поставил Максим на паузу. – Я пытаюсь толкать себя сам. А нужно... разрешить потоку нести меня. Как паруснику. Но я не чувствую этот поток.»

«Данные интересные, – сухо прокомментировала Мария Петрова, прищурившись. – Но чисто эмпирически, твоя техника выглядит как попытка разогнать машину, вдавливая педаль газа в пол и одновременно дергая ручной тормоз.»

Анна Соколова, до этого молча перебирая отснятые фотографии, вдруг вздохнула.

«Завидую, – все обернулись на нее. – Я бы все отдала, чтобы иметь такую реакцию. Чтобы успевать ловить тот самый миг, идеальный кадр, который длится долю секунды. У меня вот

глаз есть, а руки не успевают. А ты... ты можешь научить свои ноги поспевать. Жаль, нельзя мозги перепрошить, как твоего Дедала.»

Она сказала это без укора, с легкой грустной улыбкой. Но ее слова повисли в воздухе, зацепившись за что-то в сознании Максима. *Мозги. Реакция. Успевать не только бежать, но и видеть.*

Он не нашел ответа в тот вечер. Но семя было посажено. Он снова уставился на экран смартфона, где мигал значок обновленного Дедала, теперь всегда с ним. Оставался один путь – продолжать пытаться.

Глава 10. Ритм вселенной

Наступило утро четвертого дня тренировок. Максим стоял на краю светящегося круга, наблюдая за безумной пляской сфер. Он сделал глубокий вдох, вспоминая принцип: не сила, а намерение. Он сконцентрировался на потоке маны, и направил его не в ноги, в мышцы, в легкие. Он представил, как энергия пронизывает каждое волокно, заставляя его сокращаться быстрее, сильнее, эффективнее.

Он рванул с места. Его тело отозвалось мгновенно. Он уже не бежал – он летел, едва касаясь пола, и мир вокруг превратился в смазанный поток света и цвета. Вихрь в ушах, давление в груди – но вторая сфера была уже не призраком. Он видел ее, догонял, сокращая дистанцию с каждым мгновением. Его пальцы сомкнулись вокруг нее, и она погасла с тихим щелчком, послав импульс прохлады по руке.

Да! Он сделал это! Пусть и ценой адской нагрузки на тело – он догнал.

Но ликование было недолгим. Третья сфера, как и прежде, оставалась неуловимой. Она не ускорялась – она исчезала и появлялась в случайных точках круга, будто насмехаясь над его физической скоростью.

Вечером того же дня атмосфера в лагере была накалена. Профессор Волков собрал всех у спутникового терминала.

«Данные продолжают поступать, и они становятся все тревожнее, – его лицо было серьезным. – Не просто единичные феномены. В «Дымящихся Долинах» Новарии произошел масштабный сбой на электростанции. Очевидцы говорят о «вспышке зеленого света» и «вздыбившемся металле». Десятки пострадавших. Это уже не случайность, это катастрофа.»

Иван Краснов мрачно уперся руками в стол. «Пока ты тут с шариками играешь, мир летит в тартарары. Нам нужны твои навыки там, на передовой. Чтобы объяснять, помогать, защищать. Пора закругляться с этими тренировками.»

Мария Петрова поддержала его, но с другой позиции: «Мы сидим на уникальных данных, но они бесполезны, пока лежат здесь. Нам нужны ресурсы Университета. Библиотеки. Коллективный разум. Мы должны понять не только как, но и почему всё происходит.»

Давление нарастало со всех сторон. Максим молча слушал, чувствуя, как тяжесть ответственности сжимает его плечи. Его личное обучение внезапно стало малой частью огромной мозаики.

После совещания он вернулся в зал один. Слова команды звенели в ушах. Торопись. Миру нужно то, что ты можешь дать.

Он снова шагнул на круг. Третья сфера тут же отреагировала, исчезнув и появившись у него за спиной. Физическое ускорение было бесполезно. Он мог быть быстрым, но не всевидящим.

И тогда его осенило. Слова Анны, сказанные накануне: «Жаль, нельзя мозги перепрошить... Успевать не только бежать, но и видеть».

Что если ускорить не тело, а сознание? Чтобы та доля секунды, за которую сфера перемещается, растянулась для него?

Он закрыл глаза. На этот раз он не направлял ману в ноги. Он сконцентрировался на том, чтобы направить ее в голову. Он не заставлял – он пригласил энергию окутать его мозг, ускорить каждый нейрон, каждую синаптическую связь.

Сначала – лишь приступ тошноты и резкая боль позади глаз. Но он не сдавался, вспоминая принцип древнего мага: «Впусти внешнее внутрь».

И вдруг... мир зазвенел.

Звук генератора Ивана растянулся в низкий, завывающий гул. Капля воды, падающая с потолка, замерла в воздухе. Его собственное сердцебиение стало глухим, редким стуком.

Он открыл глаза.

Третья сфера больше не прыгала. Она перетекала из одной точки в другую по сложной, но теперь ясной и медленной траектории. Он видел не просто точку появления – он видел весь ее путь, всю дугу перемещения.

Его мысль была мгновенной: Вот она.

Его тело, все еще усиленное маной, откликнулось на команду ускоренного сознания с идеальной синхронностью. Он не побежал – он сделал один точный шаг и протянул руку. Пальцы сомкнулись вокруг сферы в момент ее появления. Тихий щелчок. Импульс энергии, на сей раз более сильный, ясный.

Тишину нарушил знакомый голос. Древний маг парил в центре зала.

«Ты научился не просто бежать. Ты научился воспринимать мир иначе. Ты соединил скорость тела с быстротой мысли. Теперь дороги для тебя укоротились, а враги замедлились. Используй этот дар с умом. Помни: тот, кто видит быстрее всех, всегда на шаг впереди.»

Голограмма сменилась, показав им знакомые очертания – величественный храм в горах.

«Там, в глубинах, вы найдете следующее испытание – искусство усиления оружия. Острие клинка ждет своей силы.»

Изображение исчезло. Максим стоял в центре круга, тяжело дыша. Мир вернулся к своему нормальному ритму, но он сам уже никогда не будет прежним.

Он вышел из тоннеля в главный зал. Команда, занятая упаковкой оборудования, обернулась на его шаги. Ни слова не было сказано. Но что-то в его осанке, в блеске его глаз, в новой, спокойной уверенности заставило их замереть.

Профессор Волков смотрел на сына, и в его взгляде читалась смесь гордости и трепета.

«Получилось?» – тихо спросил он.

Максим лишь кивнул, его взгляд был устремлен вперед, за стены пещеры, в мир, который ждал его умений.

«Получилось. Теперь мы действительно можем ехать.»

Глава 11. Истина, которую нельзя скрыть

Зал Университета Древних Цивилизаций, обычно погруженный в академизм и тишину библиотек, сегодня гудел, как растревоженный улей. Сотни журналистов, ученых, официальных лиц теснились между рядов, настраивая камеры и обмениваясь взволнованными предположениями. Слухи о том, что экспедиция Волкова вернулась не с артефактами, а с неким откровением, будоражили умы.

На подиуме установили лишь один микрофон. Когда на сцену вышла вся команда – профессор Волков, Максим, доктор Петрова, капитан Орлов, Анна Соколова и Иван Краснов, – гул стих, сменившись напряженным ожиданием. Александр Волков подошел к микрофону. Его лицо, освещенное вспышками фотокамер, выглядело усталым, но непоколебимо решительным.

«Уважаемые коллеги, представители прессы, – его голос, обычно громкий и уверенный, сейчас звучал подчеркнуто сдержанно. – То, что мы расскажем и покажем сегодня, противоречит всему, что мы знали о законах нашего мира. Это может показаться вам невероятным. Безумным. Мы и сами потратили недели, чтобы поверить в это. Но отрицать доказательства – значит предавать саму суть науки».

Он сделал паузу, давая словам проникнуть в сознание аудитории.

«Наши исследования привели нас к открытию, которое переворачивает все с ног на голову. Мы обнаружили не просто новую культуру или технологию. Мы обнаружили... фундаментальную силу, которая всегда была частью нашей вселенной, но спала глубоким сном. Силу, которую древние называли маной. И сейчас... она возвращается. Пробуждается в нашем мире. И это пробуждение – не метафора. Это физический, наблюдаемый и чрезвычайно мощный процесс».

В зале прокатился шепот. Кто-то скептически хмыкнул. Профессор продолжил:

«Это не магия трюков и иллюзий. Это энергия, которую можно изучать, измерять и, при должном обучении, контролировать. Она уже проявляется по всему миру спонтанно и зачастую опасным образом. И чтобы вы не подумали, что мы все сошли с ума от горной болезни... Мой сын, Максим Волков, продемонстрирует вам то, что мы уже научились понимать».

Максим вышел вперед. Он чувствовал, как на него устремлены сотни взглядов, полных недоверия и любопытства. Он сделал глубокий вдох и поднял руку. Сначала ничего не происходило. Потом воздух вокруг его ладони начал мерцать, и несколько голубоватых частиц маны, словно послушные светлячки, собрались в небольшой, вращающийся сгусток энергии. Он парил над его рукой, пульсируя тихим светом. В зале ахнули.

Затем Максим сосредоточился сильнее. Он мысленно «вдохнул» энергию, и знакомое голубое сияние, видимое невооруженным глазом, окутало его с головы до ног, делая его фигуру слегка размытой, как бы колеблющейся в жарком воздухе.

«Это базовая техника защиты, – пояснил профессор. – Укрепление плоти. Без нее... любое дальнейшее взаимодействие с маной может быть смертельно опасно для неподготовленного организма».

Для финального доказательства Максим кивнул капитану Орлову. Тот, не колеблясь, резким, отработанным движением бросил в него тяжелый металлический муляж древнего артефакта со всей силы. Люди в первых рядах вскрикнули. Предмет с громким, оглушительным гунгом отскочил от невидимой защиты Максима и упал на пол сцены, так и не коснувшись его.

В зале воцарилась мертвая тишина, а затем его взорвали вспышки камер и оглушительный гомон голосов.

Профессор Волков снова взял слово, объявляя о беспрецедентных мерах, которые Университет принимает немедленно:

- Создание Кризисного центра по изучению и контролю маны – для всех, кто столкнулся с необъяснимыми явлениями или обнаружил у себя необычные способности.

- Разработка и внедрение Базовой программы безопасности – открытых курсов, которые научат людей распознавать проявления маны и избегать опасностей.

- Запуск Глобальной сети мониторинга – для отслеживания аномалий и предупреждения населения об опасностях.

Доктор Петрова, подойдя к микрофону, добавила с присущей ей суровой прямоотой:

«Это не игрушки. Это – физика. Очень опасная физика. Наше исследование показывает, что способности развиваются последовательно. Попытка развить скорость или телекинез до овладения укреплением – верный путь к разрыву мышц, стрессовым переломам или катастрофическому истощению нервной системы. Научиться ходить, прежде чем бежать – это не метафора, а правило выживания».

Пресс-конференция подходила к концу, когда к группе профессора Волкова, уже сходящей со сцены, пробились двое мужчин в строгих костюмах. Одним из них был капитан Орлов, на лице которого читалась непривычная напряженность. Второй, немолодой мужчина с пронзительным взглядом и безупречной выправкой, выступил вперед.

«Профессор Волков. Максим, – Орлов кивнул им, его голос был тише и формальнее обычного. – Разрешите представить: генерал-лейтенант Игорь Семенович Ковалев, начальник управления стратегических анализов и безопасности.»

Генерал оценивающе окинул взглядом ученых, его внимание задержалось на Максиме чуть дольше.

«Ваше выступление было... впечатляющим, – произнес он, его голос был низким и властным, не терпящим возражений. – Капитан Орлов предоставил исчерпывающие отчеты. Правительство берет под контроль исследование маны и храмов. Напряженность между Новарией, Люменаром и Вердангией растет на фоне этих... аномалий. Нам нельзя упустить инициативу.»

Он сделал паузу, давая словам усвоиться.

«Мы предлагаем вам полное сотрудничество: финансирование, доступ к любым ресурсам, дипломатическое прикрытие для пересечения границ и работы на территориях других держав. Взамен вы отчитываетесь о прогрессе, следуете указаниям голограмм и изучаете храмы, чтобы дать нам понимание причин и масштабов угрозы. Капитан Орлов утвержден вашим официальным куратором и связным.»

Профессор Волков обменялся с сыном быстрым взглядом. Предложение было более чем щедрым, но пахло тотальным контролем.

Максим выступил вперед, опередив отца. Его голос прозвучал твердо, без тени юношеской неуверенности.

«Я согласен сотрудничать и делиться знаниями. Но путешествовать я буду самостоятельно. Древний маг говорил, что путь – часть тренировки. Я могу покрыть расстояние между храмами за часы, в то время как обычная экспедиция будет добираться неделями. Я буду двигаться быстрее любого официального мандата.»

Генерал Ковалев изучающе посмотрел на него, затем на Орлова. Капитан почти незаметно кивнул, подтверждая слова Максима.

«Скорость как ресурс... Разумно, – наконец произнес генерал. – Ваше предложение принимается. Орлов будет вашим связью с нами. Он обеспечит вас всем необходимым и будет координировать ваши перемещения с нашими... дипломатическими усилиями. Но отчитываться вы будете регулярно. Мы должны быть в курсе каждого вашего шага.»

На том и договорились. Генерал удалился так же стремительно, как и появился.

Максим посмотрел на отца. В его глазах читалась бесконечная гордость и тревога.

«Я не могу отпустить тебя одного..., – начал отец».

«Я все обдумал отец. Это единственный путь. Тем более со мной Дедал и мы будем на связи в любое время. Я должен идти, – тихо сказал Максим. – Пойду собираться в дорогу! – и вместе с капитаном Орловым Максим ушел».

«Мы сделали первый шаг, – тихо сказал Волков-старший, больше самому себе. – Теперь твоя очередь».

В Университете началась новая эра. Эра подготовки. А где-то далеко, набирая скорость, к следующему храму уже мчался его одинокий авангард, за которым теперь пристально следили не только друзья, но и самые могущественные люди страны.

Глава 12. Тень на горизонте

Экран большого телевизора с разрешением 8К в затемненном кабинете погас, окончив трансляцию пресс-конференции из Университета Древних Цивилизаций. В тишине комнаты, нарушаемой лишь тихим гудением климатической системы, повисло напряженное молчание.

Мягкое кресло повернулось. В нем сидела молодая женщина. Ариана Белоусова. Безупречный деловой костюм, идеально уложенные волосы, холодные, пронзительные глаза, в которых отражался теперь погасший экран. В ее руке медленно вращался кристаллик льда из бокала с виски, который она так и не поднесла к губам.

Напротив нее, в кресле из темной кожи, сидел мужчина лет пятидесяти с жестким, испещренным морщинами лицом бывшего военного или спортсмена. Он внимательно наблюдал за ней, не произнося ни слова.

«Ну вот, отец, – голос Арианы был низким, ровным и обманчиво спокойным, словно она комментировала погоду. – Этот день настал. Как ты и предсказывал».

Мужчина, известный в определенных кругах как Геннадий Белоусов, тяжело вздохнул. «Предсказывал – не то слово. Я инвестировал миллиарды в спутниковый мониторинг, в археологические «раскопки» под прикрытием, в частные лаборатории, изучающие аномалии. Мы были так близки к тому, чтобы контролировать нарратив. Чтобы стать первыми».

«А стали вторыми, – Ариана отставила бокал с ледяным стуком. Ее пальцы с идеальным маникюром сжали подлокотники кресла. – Нас опередил какой-то... мальчишка. Сын университетского профессора, который играет с голограммами и демонстрирует фокусы на потеху толпе».

Она резко встала и подошла к панорамному окну, за которым простирался ночной мегаполис, море огней, символизирующее мир, который она привыкла считать своим игровым полем.

«Они выложили все карты на стол. Вежливо попросили людей «обращаться за помощью». Объявили о создании «центров мониторинга». – Она фыркнула, и в этом звуке сквозила ледяная презрение. – Они строят общественную библиотеку в то время, когда мы могли бы возвести неприступную крепость знаний».

Она обернулась к отцу. Ее глаза теперь горели холодным огнем.

«Игра изменилась, отец. Вежливость и академические дискуссии закончились. Этот Волков... он показал миру кролика, но даже не подозревает, что выпустил из шляпы льва. Теперь каждый будет искать свою долю. Хаос неизбежен. А в хаосе...»

Она сделала паузу, и в воздухе повисла не озвученная угроза.

«...процветают те, кто готов действовать быстро и без сантиментов. Нам нужно перейти от наблюдения к действию. Немедленно. Бросить все ресурсы. Все. Я имею в виду каждую копейку, каждый контракт, каждого лояльного человека. Найти следующие точки входа. Не ждать, пока этот вундеркинд получит очередную голограмму-инструкцию. опережать его».

Геннадий Белоусов медленно кивнул, в его глазах читалось не беспокойство, а мрачное удовлетворение. Он воспитал не наследницу, хищницу.

«У них есть мальчик и университет. У нас есть частная армия, десять кораблей в международных водах и половина сената в долгу перед нами. И у тебя есть... кое-что еще, да, Ариана?» – он посмотрел на дочь с странной смесью отцовской гордости и научного любопытства.

Ариана не ответила. Лишь тонкая, почти невидимая улыбка тронула уголки ее губ. Она повернулась к окну, к своему городу, к своему будущему миру.

«Пусть они учат толпу базовой безопасности. Мы найдем источник. Мы возьмем его под контроль. И тогда, – ее отражение в стекле смотрело на нее же самое бездонными, холодными глазами, – мы будем диктовать условия не из университетской аудитории. Мы будем писать новые правила. С нуля».

Она не произнесла это как угрозу. Она констатировала факт. Как смену времени суток. И в этой спокойной уверенности было куда больше опасности, чем в любой истерике.

Глава 13. Первый шаг в одиночку

Перед выходом капитан Орлов отвел Максима в сторону. Его лицо, обычно непроницаемое, выражало серьезную озабоченность.

«Максим, слушай внимательно. Горы Торн – не прогулочный маршрут. Это граница, и за ней начинается Вердангия. Там нет нашего закона. Там есть закон кланов, закон силы и закон выживания.» Орлов сурово посмотрел на него. «Двигайся быстро, но не по главным тропам. Ночуй только в скрытых, защищенных местах – пещеры, густые заросли, каменные осыпи. Никаких костров на открытой местности. Ты – чужак, и твое появление ни у кого не вызовет радости. Помни об этом.»

Максим кивнул, стараясь запомнить каждое слово. Его прежний опыт многодневных туристических походов казался теперь детской игрой.

Путь в семьсот километров, который вертолет преодолел бы за несколько часов, растянулся для Максима на два полных дня. Его новая скорость была впечатляющей на коротких дистанциях, но на длинных перегонах она больше напоминала спринтерский забег с марафонской дистанцией.

Он мчался по безлюдным проселкам, избегая крупных трасс, чувствуя, как мана бурлит в мышцах. Но каждые пятьдесят-шестьдесят километров его силы иссякали. Эйфория скорости сменялась изнуряющей дрожью в ногах и туманом в голове. Ему приходилось останавливаться, чтобы отдышаться, попить воды и съесть энергетический батончик.

В небольшом придорожном кафе у подножия хребта он привлек странные взгляды, сгорбившись над тарелкой горячего супа. Это был последний островок знакомой цивилизации. За его окнами уже высились мрачные, покрытые лесом склоны Пиков Раздора.

«Дедал, анализ расхода энергии и расчет времени», – отдал он команду.

На экране смартфона появились данные: *«Средняя скорость перемещения: 68 км/ч. Время активного перемещения: 10.1 часов. Общее время в пути: 48 часов. На вертолете аналогичное расстояние было бы преодолено за примерно 3.8 часа. Эффективность: 7.9%. Отклонение от заявленного срока: +44.2 часа.»*

Максим огорченно вздохнул, откинувшись на спинку стула. «Объяснение генералу Ковалеву будет интересным», – пробормотал он себе под нос. Он представлял себя молнией, несущейся к цели, а на деле оказался всего лишь очень быстрым, но крайне неэффективным курьером. Но затем он вспомнил слова древнего мага. Это была тренировка. Каждый километр оттачивал его контроль.

Преодоление горного хребта заняло остаток дня и всю следующую ночь. Он шел и бежал, руководствуясь картами «Дедала» и советами Орлова, ночуя в небольшой расщелине, кутаясь в термопокрывало и не разводя огня. Воздух стал другим – более острым, диким. Пахло хвоей, влажным камнем и свободой.

Утро второго дня пути он встретил уже на другой стороне. Арктик-Бей с его океанским простором осталась далеко позади. Равнины Новарии сменились бескрайними, бесхребетными лесами и суровыми долинами Вердангии. Здесь не было городов. Изредка попадались следы временных стоянок – кострища, зарубки на деревьях. Это была земля кочевников, вольных кланов, не признающих границ.

К полудню силы снова начали покидать его. Свернув с едва заметной тропы, Максим нашел скрытое от посторонних глаз место у небольшого ручья, окруженное валунами и густым папоротником. Он рухнул на мягкий мох, доставая флягу с водой и очередной батончик. Тишина леса была оглушительной.

И вот, когда он уже почти расслабился, прислушиваясь к журчанию воды, до него донеслось что-то еще.

Пение.

Чистый, высокий женский голос, доносящийся откуда-то не так далеко. Мелодия была странной, незнакомой, полной тоски и чего-то древнего. Она была похожа на шелест листьев и звон ручья.

Максим замер, вслушиваясь. Голос был одиноким в этом бескрайнем лесу. Он принадлежал тому, кто, как и он, знал дорогу в эти дикие места.

Глава 14. Встреча в Чащобных землях

Тишина Вердангийского леса была не пустой, а живой и многоголосой. Она состояла из шелеста вековых сосен, перекликающихся птичьих трелей и отдаленного рокота горных рек. После двух дней изматывающего бега, когда каждая мышца горела огнем, а разум был затуманен постоянной концентрацией, этот природный гимн казался Максиму бальзамом. Он нашел укромное место у ручья, припал к холодной, чистой воде и зажмурился, пытаясь заглушить пульсирующую боль в висках. Перерасход маны, – сухо констатировал «Дедал», и Максим с ним соглашался. Он поклялся генералу Ковалеву добраться за часы, а плутал уже второй день. Объяснения будут неприятными.

Именно тогда, сквозь шум воды и собственное тяжелое дыхание, он уловил это.

Пение.

Чистый, высокий голос, плывущий меж деревьев. Мелодия была странной, незнакомой, лишенной привычного ритма, но оттого еще более завораживающей. Она звучала как ветер в ущельях, как плач по ком-то давно ушедшем и как тихая радость от первого весеннего солнца. Это был голос самой Вердангии – дикой, гордой и бесконечно одинокой.

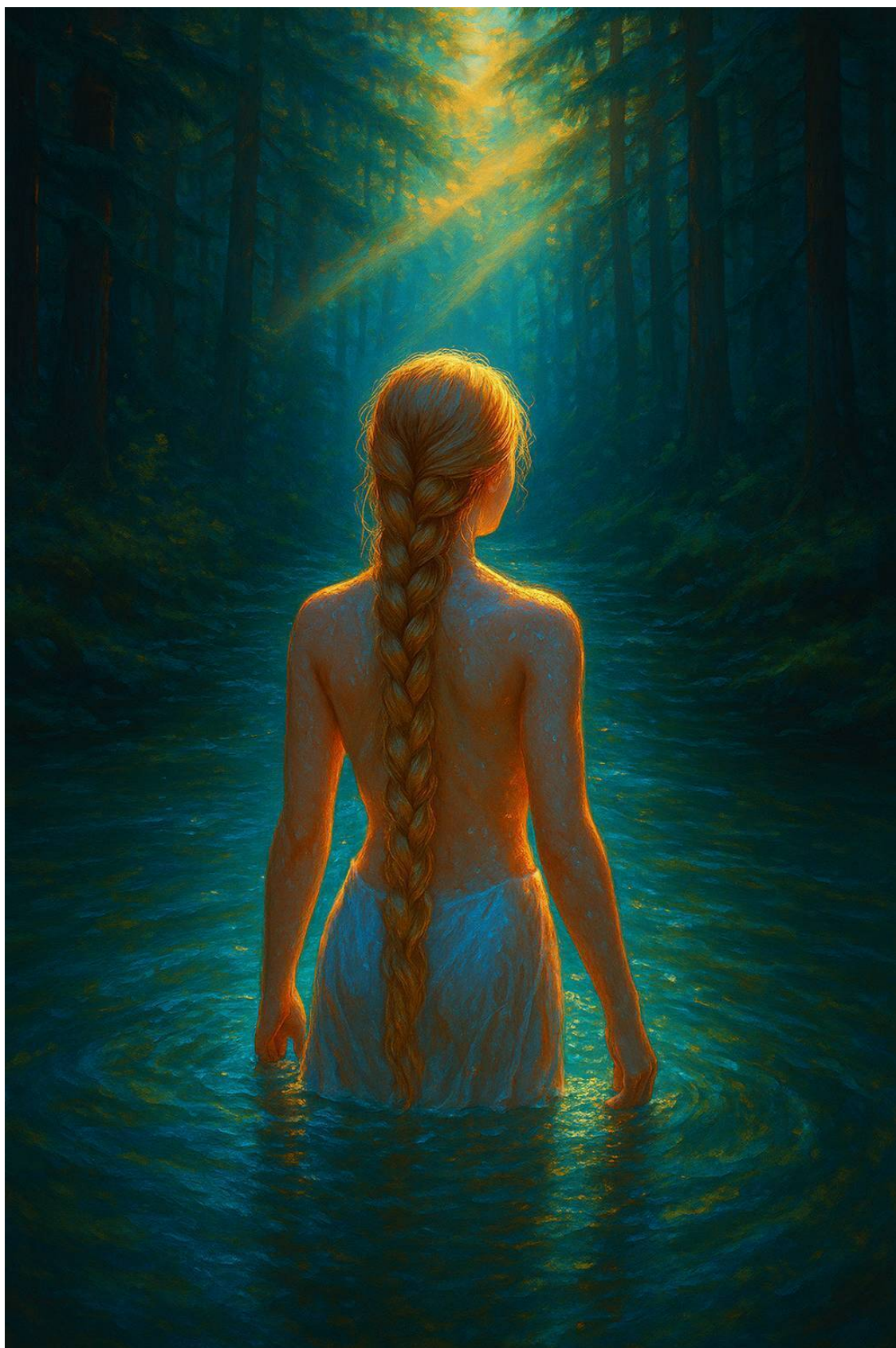
Инстинкты, отточенные многодневными переходами в горах еще до всех этих событий, заставили его двигаться на звук бесшумно, сливаясь с тенью сосен. Он шел, и лес словно расступался перед ним, ведя к источнику песни.

Он вышел на опушку, скрытую низко нависшими ветвями плакучей ивы. И замер.

На берегу узкой, стремительной речушки, в луче солнца, пробивавшемся сквозь хвойную чашу, стояла в воде девушка. Спина к нему, длинные волосы цвета спелой пшеницы, заплетенные в сложную косу, спускались до самых бедер, мерцая на свету влажным золотом. Она была обнажена по пояс, и капли воды, скатываясь по ее загорелой коже, сверкали как алмазы. Ее плечи плавно двигались в такт негромкой песне, которую она напевала, о чем-то своем, сокровенном.

Максим застыл, замороженный картиной первозданной, дикой красоты. Он не дышал, боясь спугнуть этот миг.

И все же спугнул.

Пение внезапно оборвалось. Девушка резко обернулась, ее глаза, широкие и яркие, как лесные озера, мгновенно нашли его в тени ивовых ветвей. В них не было страха – лишь настороженное, изучающее любопытство дикого зверя. Не сводя с него взгляда, она плавно и без суеты опустила в воду по плечи.

«Извините, я... я не хотел...» – начал Максим, его слова прозвучали грубо и чуждо в этой тишине. Он поднял руки, показывая, что безоружен и не опасен.

Девушка молча смотрела на него, не понимая. Ее взгляд скользнул по его городской, хоть и потрепанной дорогой, одежде, и в ее глазах вспыхнуло холодное презрение к чужаку.

«Дедал, перевод, срочно! Вердангийский диалект!» – скомандовал Максим.

В его наушнике раздался тихий щелчок и ровный голос: [Активирован модуль лингвистического анализа. Готов к переводу.]

Он не успел произнести ничего. Из-за ствола старого дуба, словно тень, появился молодой парень. Высокий, плечистый, с лицом, высеченным из гранита и обветренным горными ветрами, и с глазами, полными яростной защиты. В его руке был длинный, грубо выструганный, но смертельно острый охотничий нож.

Без единого звука, с рефлекторной яростью, защищающей свою территорию и свою сестру, он атаковал.

Максим едва успел среагировать. Мысль о защите вспыхнула в его сознании раньше, чем он успел ее осмыслить. Воздух вокруг него сгустился, затрепетал, и голубоватое сияние Второй Кожи окутало его, как доспех. Парень, Ярг, обрушил на него град ударов. Нож отскакивал от невидимой преграды с сухим, щелкающим звуком, оставляя в воздухе снопы искр. Максим, оглушенный яростью нападения, лишь пытался, пытаясь сохранить равновесие на скользких камнях у воды.

«Стой! Я не хочу драться!» – крикнул он, и «Дедал» тут же выдал перевод – набор резких, гортанных звуков, которые лишь, казалось, разозлили нападавшего еще больше.

Ярг не слушал. Его кулак, сжатый вокруг рукояти ножа, в очередном яростном замахе вдруг вспыхнул тусклым, но ядовито-голубым светом. Это была грубая, необтесанная сила, вырвавшаяся наружу вместе с адреналином и яростью. Не ожидая такого, Максим не успел перераспределить защиту. Удар, усиленный дикой маной, пришелся ему в грудь.

Мир взорвался болью. Невидимый доспех треснул, не выдержав концентрации чистой силы. Максима отбросило через поляну, как щепку. Он с глухим стуком ударился спиной о ствол старой сосны, острая сухая ветвь рванула ему бок, и он рухнул на землю, зажимая окровавленную рану. Голова зазвенела, концентрация разбилась вдребезги. Вторая Кожа погасла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.